



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 506–520, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470)+281.2(235.7)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

Ногайская Кубань и проблемы внутриполитического развития Крымского ханства середины XVIII в.

Дмитрий Владимирович Сень¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сень Д. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Хронология статьи охватывает 1740–1750-е гг., когда в Крымском ханстве усилились конфронтационные процессы, связанные с ростом недовольства ногайскими ордами ограничительной политикой крымских ханов. Пик сопротивления пришелся на конец 1750-х гг., выразившись в восстании ногайцев 1758 г. против крымского хана Халим-Гирея и его ближайших родственников. Многие кубанские ногайцы, руководимые бывшим кубанским сераскером Сеадет-Гиреем, приняли в восстании деятельное участие. *Цели и задачи.* Необходимо изучить роль и место ногайской Кубани в трансграничных процессах на Северо-Западном Кавказе, связанных с миграциями кочевников. Планируется установить значение ногайской Кубани (Кубанской орды) в политических и иных процессах, сопровождавших деятельность правящих крымских ханов по усилению управленческих структур в ногайских ордах. *Материалы и методы.* Статья написана на основе письменных исторических источников XVIII в., в том числе впервые вводимых в научный оборот. Главным образом, это делопроизводственные документы российского происхождения, хранящиеся в фондах федеральных и государственных архивов России. В исследовании использовались специальные исторические методы, в том числе историко-генетический и историко-сравнительный. *Результаты.* Кубанская орда играла ключевую роль в жизни такой периферии Крымского ханства, как кубанский регион. В середине XVIII в. Кубань все активнее вовлекалась Гиреями в общегосударственные интеграционные процессы. Например, это оказалось связано с развитием на Кубани института сераскер-султанов. За обладание этой должностью активно боролись разные представители династии Гиреев, в том числе семья кубанского султана Бахты-Гирея, ранее осевшая на Кубани. *Выводы.* Приведены новые факты, подтверждающие значение семьи султана Бахты-Гирея в жизни кубанского региона после 1729 г. Доказано, что кубанские ногайцы приняли заметное участие во внутриполитической жизни Крымского ханства, активно сопротивляясь многим жестким административным решениям правящих Гиреев. Их недовольство активно подогре-

валось бывшими кубанскими сераскерами — братьями Гази-Гиреем и Сеадет-Гиреем, сыновьями султана Бахты-Гирея. Доказано, что поддержка кубанскими ногайцами Сеадет-Гирея носила массовый характер, и что именно они повлияли на его назначение сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. Выявлена непосредственная связь между «бунтом» сыновей Бахты-Гирея против крымского хана и последующей активностью кубанских ногайцев в восстании 1758 г.

Ключевые слова: восстание, Гирей, калмыки, Кубань, Кубанская орда, Крымское ханство, миграции, ногайцы, Россия, сераскеры

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Сень Д. В. Ногайская Кубань и проблемы внутривосточного развития Крымского ханства в середине XVIII в. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 506–520. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

UDC 94(470)+281.2(235.7)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

Crimean Khanate in the Mid-18th Century: Nogai Kuban and Problems of Internal Political Development

Dmitry V. Sen' ¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Sen' D. V., 2020

Abstract. Introduction. The article chronologically covers the 1740s and 1750s. The period witnessed a rise in confrontational processes in the Crimean Khanate that were intensified by the growing dissatisfaction of the Nogai hordes with restrictive policies of the Crimean Khans. The opposition reached its peak by the late 1750s, and was marked by the Nogai rebellion of 1758 against the Crimean Khan Halim Giray and his sons. Many Kuban Nogais led by the ex-*serasker* of Kuban Seadet Giray took an active part in the revolt. **Goals.** The paper seeks to examine the role and place of Nogai Kuban in cross-border processes along the Northwest Caucasus that resulted from nomadic migrations. It is planned to identify the impact of Nogai Kuban (Kuban Horde) on the political and other processes that accompanied activities of the ruling Crimean Khans aimed at strengthening governing structures of their own within the Nogais hordes. **Materials and Methods.** The article analyzes 18th-century written historical sources, including ones newly introduced into scientific discourse. Those are mainly Russian official papers stored at federal and public archives of the country. The study employs special history research methods, such as the historical/genetic and historical/comparative ones. **Results.** The Kuban Horde played a key role in the provincial life of Kuban Region, a periphery of the Crimean Khanate. In the mid-18th century, the territory was being increasingly involved into state integration processes by the Girays. For example, the institution of *serasker*-sultans in Kuban was established. Various representatives of the Giray dynasty actively struggled for the position, including the family of Sultan Bahti Giray that had settled in Kuban. **Conclusions.** The discovered facts confirm the significance of Sultan Bahti Giray's family in the life of Kuban Region after 1729. Kuban Nogais actively participated in the Crimean Khanate's internal policies, and opposed the heavy-handed administrative decisions of the Girays. Their dissatisfaction was actively fueled by ex-*seraskers*, Gazi Giray and Seadet Giray, the sons of Sultan Bahti Giray. The paper proves Seadet Giray enjoyed a

mass support of Kuban Nogais, which largely predetermined — through pressure on *kalga-sultan* — his appointment as *serasker* in 1755. The study reveals an instant connection between the ‘revolt’ of Bahti Giray’s sons against the Crimean Khan — and subsequent activities of Kuban Nogais in the rebellion of 1758.

Keywords: uprising, Giray dynasty, Kalmyks, Kuban, Kuban Horde, Crimean Khanate, migrations, Nogai, Russia, *serasker-sultan*

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sen’ D. V. Crimean Khanate in the Mid-18th Century: Nogai Kuban and Problems of Internal Political Development. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 506–520. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520



Введение

Хронология исследования охватывает, главным образом, 1740–1750-е гг. — время усиления в Крымском ханстве конфронтационных процессов, связанных с ростом недовольства ногайскими ордами внутренней (ограничительной) политикой крымских ханов. Данным обстоятельством несколько позже весьма успешно воспользовалась Российская империя, расшатывая обстановку в Крымском ханстве. Ханы в свою очередь пытались проводить реформы и усиливать различный контроль над ногайцами, которые не только активно мигрировали по территории ханства, но и взаимодействовали друг с другом на почве сопротивления правящим Гиреям и их политике. На территории Кубани часть недовольных сконцентрировалась вокруг бывших сераскеров Кубанской орды — братьев Гази-Гирея и Сеадет-Гирея, сыновей крупного военно-политического деятеля — султана Бахты-Гирея (Дели-султана). Потеряв официальную власть к началу 1750-х гг., они продолжили борьбу за сохранение своего влияния среди ногайцев и черкесов.

Тема заявленной нами статьи, таким образом, является актуальной по нескольким основаниям. Прежде всего, ее изучение позволяет системно выявить общее и особенное в политике нескольких крымских ханов по реформированию государства и по выходу из сложных внутри- и внешнеполитических проблем середины – второй половины XVIII в. Одним из самых сложных направлений для «новой» внутренней политики правящих Гиреев стало так называемое ногайское направление. Кроме того, важно

изучить роль и место ногайской Кубани в трансграничных процессах на Юге и в жизни пограничных сообществ, все еще пытавшихся нарушать государственные (линейные) границы, извлекая из этого определенную выгоду. На Кубани же продолжали находить прибежище многие недовольные действиями центральных и местных российских властей, в том числе калмыки.

Постановка задачи

Предполагается определить роль и место ногайской Кубани в политических и иных процессах, сопровождавших деятельность правящих крымских ханов по усилению своих управленческих структур в ногайских ордах. Необходимо выявить общее и особенное в деятельности именно кубанских элит (прежде всего — кубанских сераскеров), направленной на сопротивление подобным устремлениям правящих Гиреев. Пик такого сопротивления, в пределах указанного выше десятилетия, пришелся на конец 1750-х гг., выразившись в восстании ногайцев 1758 г. против крымского хана Халим-Гирея и его родственного окружения. Многие кубанские ногайцы, руководимые бывшим кубанским сераскером Сеадет-Гиреем, приняли в этом восстании самое деятельное участие.

Материалы

Источниковая основа статьи представлена документальными и нарративными источниками XVIII в., как опубликованными, так и впервые вводимыми в научный оборот. Это, в частности, делопроизводственные документы российского происхождения (дипломатическая переписка,

документы губернских канцелярий, расспросные речи и т. д.). Они извлечены из фондов трех федеральных архивов (АВПРИ, РГАДА, РГВИА) и двух государственных архивов (ГАРО и ГААО) Российской Федерации.

Ногайская Кубань в административно-политическом пространстве Крымского ханства

Тенденции взаимоотношений правящих Гиреев и ногайцев

Во второй трети XVIII в. ногайцы оставались одной из самых серьезных проблем для крымских ханов, с которыми Гиреям приходилось как договариваться, так и конфликтовать. Участились небезопасные для правящих Гиреев ситуации, когда ногайцы разных орд стали обращаться за покровительством к России, даже предполагая уйти с территории ханства и принять российское подданство. И здесь мы сталкиваемся с разными, хотя и взаимосвязанными тенденциями в действиях ногайцев и крымских ханов. Правящие Гиреи продолжали искать выходы из непростых для ханства внутри- и внешнеполитических ситуаций, реагируя на новые вызовы времени и модернизируя административно-управленческую структуру управления. В частности, ханы пошли на поддержку и развитие института сераскер-султанств в существовавших тогда ногайских ордах. Справедливы слова о том, что в ходе централизации административного управления ногайцами со стороны Бахчисарая «хану даже удалось назначить на важнейшие посты ор-бея и сераскеров Буджакской и Едисанской орд своих сыновей, а также снизить градус напряженности внутри рода Гиреев, дав привилегии многим близким и дальним родственникам. Все это существенно снизило напряженность как в самом ханстве, так и на крымско-украинской и крымско-польской границе, что было с удовлетворением отмечено в Стамбуле» [История Крыма 2019: 502].

Ханской власти также необходимо было искать новые формы нейтрализации ногайцев — в условиях продолжавшихся с их стороны набегов на российские территории. Одной из таких форм взаимоотношений сторон стало более или менее регулярное привлечение ногайцев к пограничной службе в ханстве, начиная с правления хана Арслан-Гирея (1748–1755 гг.).

Ногайцы в свою очередь все более открыто и решительно выражали недовольство усилением государственной регламентации их жизни, а также контролем со стороны крымских ханов по сдерживанию набеговой активности своих подданных. Хань все более жестко наказывали ногайцев за это, заодно усиливая налоговое и иное административное давление на них. Таким образом, в период 1739–1768 гг. действительно возросли «объемы интеграции... ногайских орд в государственную систему Крымского ханства, которое посредством учреждения администрации сераскер-султанов и предоставления должности каймаканов ногайским мурзам смогло удерживать под контролем степную периферию» [Грибовский 2009: 95]. Вместе с тем обострилась борьба между разными Гиреями (включая «местные» ответвления этого рода), за обладание статусом и полномочиями сераскеров, на что чутко реагировали ногайцы разных орд, причем как элиты, так и рядовое население.

Продолжавшиеся в 1740-е гг. нарушения кубанцами границ беспокоили не только Санкт-Петербург, но также турок-османов, которые часто находили общий язык с российской стороной. Нам не кажутся лукавством слова великого везира Хаджи Мехмет-паши о том, что хан Селим-Гирей II действительно старался удерживать своих подданных от набегов [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15об.].

Важная деталь определенно новых настроений ногайцев, о которых подробнее будет сказано ниже, следующая: великий везир просил канцлера А. П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. о содействии, если найдутся такие «татары», которые «бегом или како» станут искать прибежища в России [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 15об.].

В том же году великий везир сообщал в Стамбуле российскому резиденту И. И. Неплюеву о том, что Порта намерена построить неподалеку от Темрюка небольшую крепость «для лутчаго кубанцов обуздания» и для воздержания от «своевольств» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]. Российскому резиденту несколько позже была показана ланд-карта с указанием на место постройки будущей земляной крепости.

Обратимся к мнению А. В. Мальгина о том, что именно четырем ногайским ордам Причерноморья отводилась главная роль в

отторжении Крымского ханства от Османской империи [Мальгин 2013: 57]. Ученый имел в виду Едисанскую, Буджакскую, Едичкульскую и Джембуйлукскую орды. Не стоит, однако, забывать о положении и влиянии среди прочих орд еще одной — Кубанской, а также о более поздних (но органически связанных с рассматриваемым временем) планах Российской империи именно с ее помощью создать независимое от Крыма *Кубанское ханство* во главе с одним из Гиреев.

Калмыки в трансграничных связях ногайской Кубани

Безусловно, для описываемого периода характерно переплетение нескольких векторов трансграничных связей Кубани, не считая, конечно, ее связей с другими территориями Крымского ханства. Прежде всего, сохранялись калмыцко-ногайские связи, выгодные обеим сторонам, вызывавшие неудовольствие как в Бахчисарае, так и в Санкт-Петербурге. В частности, речь идет о взаимной посреднической и иной торговле среди местного населения, издавна существовавшей в степном пограничье. Имели место отдельные контакты между калмыцкими и кубанскими элитами, например, между Дондук-Даши и кубанским сераскером [Цюрюмов 2007: 268].

Коллегия иностранных дел и высшие сановники России, включая канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, всячески старались пресечь такие контакты, включая взаимную работоторговлю — со стороны как ногайцев, так и калмыков [Цюрюмов 2007: 268]. Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши и другие представители калмыцких элит неоднократно намеревались в 1740-е гг. откочевать в Крым или на Кубань, о чем российские власти периодически получали информацию, например, от Войска Донского из Черкаска [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 287].

После побега в начале 1742 г. с территории Калмыцкого ханства ханши Джан в Кабарду произошло следующее: на Кубань откочевало большинство из нескольких сот кибиток тюркоязычных томутов [Очиров 2008: 100; Торопицын: 2010: 53–54; Цюрюмов 2007: 250–251], сопровождавших ханшу, не желавшую мириться с утратой власти после смерти хана Дондук-Омбо. Наместник Дондук-Даши и астраханский

губернатор В. Н. Татищев пытались добиться возвращения беглых томутов. Однако кубанский сераскер заявил, что «хотя те толмуты на Кубань и пришли и находятся тамо, но он их по однозаконию с ним без указа сиятельного хана отдать не может» [Российско-северокавказские отношения 2011: 39].

В российских источниках данный случай упоминается наряду с бегством на Кубань в 1742 г. группы «Малого Ногаю», мурзы которой сумели перед откочевкой забрать из Кизлярской крепости своих детей, «во аманатах данных» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 295об.]. На Кубани они были приняты местными султанами, ранее подговорившими их к побегу. Указанных томутов и ногайцев российские власти требовали вернуть еще в 1756 г. [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 295–296об.].

Какое-то время после этих событий начала 1740-х гг. на Кубани находил пристанище влиятельный нойон Бодонг [Цюрюмов 2007: 252; ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23об.–24об.] — двоюродный брат покойного хана Дондук-Омбо.

Что касается наместника ханства Дондук-Даши, то в историографии обычно отмечают его слабость как лидера и уступчивость по отношению к В. Н. Татищеву. Со временем конфликт между ними усугубился — и в 1745 г. российские власти снова получили информацию о возможной откочевке наместника ханства на Кубань, так как калмыки пришли «в непорядок и во убожество от наместниковой слабости» [Цюрюмов 2007: 257].

Несколько раньше на Кубань предполагали уйти зайсанги Багацохуровского улуса, опасавшиеся его раздела российскими властями [Цюрюмов 2007: 261]. Выразительна формулировка императорского указа о том, что «как то и наперед сего было, хан крымской и сераскер кубанской всячески будут старатца, и ласкать, и подкупать наместника ханства Калмыцкого и его зайсангов к принятию их стороны...» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 8об.–9]. В то же время Россия опасалась бегства на Кубань части подвластных ей ногайцев и калмыков, а также усиления крымско-калмыцких связей [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25]. Особенно тревожны были известия 1747 г. о намерении наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и его зайсангов «чрез Кубань

уйти в Крым» — в случае начала новой русско-турецкой войны [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–9]. Консолидированными усилиями разных российских властей контакты калмыков и кубанских ногайцев в целом прекратились в 1750-е гг.

***Сераскеры в административно-
управленческих структурах
Крымского ханства***

В исторической науке недостаточно разработан вопрос о роли кубанских сераскеров во внутренней и даже во внешней политике Крымского ханства указанного периода. Отсутствует и *верифицированный* перечень имен сераскер-султанов хотя бы по одной из ногайских орд. Почти не введены в научный оборот сведения о том, каким образом ханы осуществляли свой выбор при назначении *новых* сераскеров и за что лишали власти так называемых старых сераскеров. То же самое можно сказать о повседневных управленческих практиках сераскеров ногайских орд, конечно, многократно вынужденных договариваться и с местными ногайскими элитами и даже с рядовым населением. Указанные вопросы являются составляющими более масштабной и очень важной научной проблемы — об эволюции управленческих структур в Крымском ханстве, в т. ч. об управлении правящими Гиреями ногайскими ордами (напр.: [Грибовский 2009: 67–97]).

Сераскеры осуществляли различные формы контроля над местным населением, причем не только над ногайцами. В пределах конкретной орды сераскер «считался полноправным хозяином: он имел всю полноту военно-административной, фискальной и судебной власти, а также полномочия представлять интересы ногайцев в сношениях с российской и польской пограничными администрациями и Запорожский Сечью. Среди их прочих функций выделялось военное управление...» [Грибовский 2009: 74]. Перед нами — общие характеристики функций сераскеров *разных* ногайских орд, имеющие некоторые отличия в зависимости от территории кочевания Буджакской, Едисанской, Джембуйлукской или Кубанской орд. Сераскеры Кубанской орды располагали своей резиденцией — укрепленным местечком Копыл (Каплу), а также активно разъезжали по Кубани, осуществляя свои

полномочия, но потом все равно возвращались в Копыл. По всей видимости, институт сераскер-султанов возник на Кубани в 1720-е гг. (быть может, в контексте борьбы ханов с султаном Бахты-Гиреем?) [Грибовский, Сень 2013: 92–137]), отражая совершенствование правящими Гиреями системы управления территориями, находящимися за пределами Крымского полуострова.

***Сыновья султана Бахты-Гирея и борьба
среди элит ногайской Кубани
второй трети XVIII в.***

О семье кубанского султана Бахты-Гирея [Сень 2016: 105–117; Сень 2020: 355–358] вспомним в той связи, что она уже была прочно интегрирована в местное пространство, в этническую и культурную среду кубанского региона. Согласимся с мнением о том, что «многие из кубанских сераскеров завязывали родственные отношения с местной ногайской аристократией и знатными семьями горских народов. Некоторые после того, как крымский хан лишал их должности, оставались на Кубани и основывали местные династии султанов, сохранявшие принадлежность к фамилии Гиреев» [Грибовский 2009: 73].

Амбиции и связи кубанских Гиреев порождали любопытные казусы и... гнев Бахчисарая. Один из сыновей Бахты-Гирея, султан Гази-Гирей, уже после смерти отца ставший кубанским сераскером, выдал свою сестру замуж за сына одного из кабардинских князей Арсланбека (кабардинского владельца Хаммурзы Росланбекова) — Аспата. Крымский хан Арслан-Гирей организовал в 1751 г. преследование своего племянника — вплоть до согласия убить его, так как «прежде того у них, татар, такого (так в тексте. — Д. С.) во обыкновении не бывало. А он, Казы-Гирей салтан, учинил тем безславию» [Российско-северокавказские отношения 2011: 64, 65, 68]. Нет сомнения в том, что после гибели Дели-султана в 1729 г. часть его семьи осталась на Кубани, по-прежнему сохраняя известное влияние на ногайцев и, скорее всего, на кабардинцев и на черкесов. Так, некоторые из сыновей Бахты-Гирея находили у них убежище после потери официальной власти, использовали их ресурсы в борьбе с новыми кубанскими сераскерами, тоже назначаемыми крымскими ханами.

Другим конкретным выражением такого влияния со стороны указанной семьи можно считать и то, что в 1730–1760-е гг. *несколько* сыновей Бахты-Гирея становились кубанскими сераскерами, включая Селим-Гирея, Сеадет-Гирея и Гази-Гирея. Первым из названных братьев стал кубанским сераскером, по всей видимости, султан Селим-Гирей (1730-е гг.) [Фелицын 1904: 138, 141].

Нам удалось найти свидетельство о том, что он со своими ближайшими родственниками («сераскер-солтан з Бахты-Гиреевыми детьми») сумел укрыться в труднодоступных местах от российско-калмыцких войск — во время их похода на Кубань летом 1736 г. [РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 98. Л. 3–3об.; также см. о нем: Фелицын 1904: 138, 141, 150–153]. Селим-Гирей оставался сераскером еще в начале 1740-х гг. [Российско-северокавказские отношения 2011: 39].

Выражение «Бахтыгиреевы дети» весьма любопытно, оно встречается в источниках не единожды. В 1733 г. эти самые «Бахтыгиреевы дети» содействовали сбору ногайцев в поход на Персию крымско-османских войск и «збирают... кубанских татар, с которыми де будет наряд из некрасовских изменников казаков, а сколько числом, неизвестно ж, токмо де над оным войском иметь будет каманду салтан Девлет Гирей хан с Бахтыгиреевым сыном» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473. Л. 24–24об.]¹. Значит, какая-то часть семьи Дели-султана продолжала на Кубани держаться вместе, что косвенно свидетельствует о поддержке братьями друг друга.

Выскажем версию о том, что Сеадет-Гирей являлся следующим из сыновей Бахты-Гирея, кто вослед своему брату Селим-Гирею стал сераскером на Кубани, вероятно, уже в середине 1740-х гг. Какое-то время еще в 1751 г. он оставался кубанским сераскером [Российско-северокавказские отношения 2011: 83; Фелицын 1904: 183; АВПРИ Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 28–28об.], будучи в том же году лишен своей должности [Российско-северокавказские отношения 2011: 60]. Как можно предположить, причиной «отставки» послужила поддержка им своего мятежного брата,

Гази-Гирея, бросившего вызов хану Арслан-Гирею [Российско-северокавказские отношения 2011: 85]. Впрочем, еще летом 1751 г. Сеадет-Гирей оставался сераскером. Действия братьев, в том числе Гази-Гирея, получившего поддержку в Кабарде, вызвали тревогу в Стамбуле, присоединившемся к их нейтрализации [Российско-северокавказские отношения 2011: 89–90]. Недаром хан Арслан-Гирей в переписке с Портой возлагал большую долю ответственности за обострение обстановки именно на Сеадет-Гирея, так как «помянутый сераскер от ханского послушания отстал и к смятению приступил» [Российско-северокавказские отношения 2011: 85].

Новый кубанский «бунт» был опасен для крымцев и для турок-османов также тем, что представители «Кашкатаусской партии» в Кабарде поддержали братьев-султанов [Алиева 2009: 98]. Правда, нельзя согласиться с С. И. Алиевой в том, что эти бывшие сераскеры, якобы «старавшиеся примкнуть к кабардинцам, впали в немилость у Османской империи и Крыма *из-за своей непопулярной политики*» (выделено нами. — Д. С.) [Алиева 2009: 99]. К слову, в нашем распоряжении имеется свидетельство о том, что еще до «отставки» своего брата, случившейся в 1751 г., султан Гази-Гирей тоже успел побывать кубанским сераскером [Российско-северокавказские отношения 2011: 64]. Отношения между братьями, как можно судить, были, как минимум, «ровными» и явно невраждебными. Уже при хане Крым-Гирее, приходившемся братьям дядей по отцу, султану Бахты-Гирею, Гази-Гирей *вновь* был назначен до 28 ноября 1761 г. кубанским сераскером [Канцелярия Новосербьского корпуса 2005: 315].

После «отставки» Сеадет-Гирея на Кубани началась своеобразная чехарда с назначением в орду новых сераскеров, причем в историографии специального внимания на столь важный аспект раньше не обращалось. Косвенно это свидетельствует о том, что «отставка» Сеадет-Гирея не только затронула интересы семьи султана Бахты-Гирея, но еще вызвала неприятие «чужих» сераскеров какой-то частью кубанских ногайцев. С некоторыми такими сераскерами султан Сеадет-Гирей несколько раз вступал в военное противостояние. Сераске-

¹ Документ любезно предоставлен доктором исторических наук В. И. Мильчевым.

рами на Кубани недолго «продержались»: Максуд-Гирей; Бахадыр-Гирей [Российско-северокавказские отношения 2011: 97, 98]; Селим-Гирей, сын крымского хана Арслан-Гирея; Крым-Гирей, приходившийся сыном Халим-Гирею, вступившему на престол в начале 1756 г. (или в конце 1755 г.).

У Ш. де Пейссонеля находим выразительную характеристику образа правления этим Крым-Гиреем (не путать с будущим ханом Крым-Гиреем!) Кубанью и Черкесией, вызвавшего резкое неприятие местного населения [Пейссонель 2013: 76–77]. Нескольких таких свидетельств о сераскертстве Крым-Гирея относится к ноябрю 1754 г. [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 5–6, 7]. Согласно разведанным российской стороны, кубанцы обеспокоились, что если Сеадет-Гирей не станет вновь сераскером, «то для их стороны последовать может худо». Многие кубанские ногайцы, в том числе солтанаульцы, были по-прежнему «весма склонны и во всем ему крайне послушны» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7]. При этом, как отмечал донской казак В. Закалив, они *ненавидели* тогдашнего сераскера Крым-Гирея и вообще не приезжали к нему в Копыл.

Источники свидетельствуют о восставлении (попытке восстановления?) Сеадет-Гирея кубанским сераскером *уже в 1755 г.* В историографии столь важный исторический сюжет был обойден исследователями стороной. Причем, как нами установлено, таких случаев было два — не только в 1755 г., *но также в 1758 г.* Еще в первой половине 1755 г. Сеадет-Гирей сумел изгнать с Кубани «официального» сераскера, приняв «все кубанское войско... под свое владение» [Российско-северокавказские отношения 2011: 100]. Особую тревогу вызвало то, что «оной де Сеадет Гирей солтан совсем кубанским войском и з горскими черкесами под властью у хана крымского (Арслан-Гирея. — Д. С.) быть не желают» [Российско-северокавказские отношения 2011: 100]. Нельзя исключать того, что в данном случае Сеадет-Гирей использовал проверенные временем методы своего отца — султана Бахты-Гирея, сумевшего долгие годы удерживать на Кубани именно фактическую власть, вопреки воле Бахчисарая! При этом влияние Сеадет-Гирея распространялось и на другие группы

ногайцев (едисанцев и джембуйлуковцев), даже намеревавшихся переселиться на Кубань и просивших Сеадет-Гирея о таком содействии [Российско-северокавказские отношения 2011: 100].

Переговоры ногайцев Едисанской и Джембуйлукской орд с Сеадет-Гиреем обратили на себя внимание Коллегии иностранных дел (далее — КИД). В Санкт-Петербурге знали о том, что перевод едисанцев и джембуйлуковцев предполагался через Дон и Азов, что особой тревоги само по себе не вызвало. Более того, в КИД полагали, что в дальнейшем этим можно будет воспользоваться для переселения ногайцев в Россию [Российско-северокавказские отношения 2011: 102].

Летом 1755 г. российская дипломатия намеревалась поддержать эту провокацию, направленную на расшатывание внутриполитической обстановки в Крымском ханстве. Для этого был продуман план действий с участием Войска Донского, администрации которого *рекомендовалось* не чинить преграды султану Сеадет-Гирею, если он с войском станет переправляться через Дон [Российско-северокавказские отношения 2011: 102]. После же переправы султана на крымскую сторону атаманы Войска Донского С. Д. Ефремову надлежало написать жалобу на Сеадет-Гирея... хану Арслан-Гирею (!) [Российско-северокавказские отношения 2011: 103]. Сеадет-Гирей, в свою очередь, активизировав решение вопроса о переселении на Кубань едисанцев и джембуйлуковцев, даже попытался оказать соответствующее давление на калгу-султана летом 1755 г. [Российско-северокавказские отношения 2011: 101]. Фактически произошло «отложение» Сеадет-Гирея от крымского хана, к тому же ставшего собирать войско среди черкесов, умело используя противоречия между ними и ханом Арслан-Гиреем [Российско-северокавказские отношения 2011: 100, 104]. Какое-то влияние оказал Сеадет-Гирей и на переселение из Крыма на Кубань группы солтанаульцев (случившееся до 10 августа 1756 г.), которое было санкционировано крымским ханом [Российско-северокавказские отношения 2011: 108].

Возвращаясь к «запутанному» в историографии вопросу о сераскертстве Сеадет-Гирея, отметим, что к его решению

оправданно подключился Бахчисарай: от хана Арслан-Гирея на Кубань прибыл калга-султан. Он действительно встречался с Сеадет-Гиреем — один раз в период до 4 июля 1755 г., затем, как минимум, еще один раз [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 100–101].

Из рапорта ротмистра И. Мещерякова кизлярскому коменданту И. Л. фон Фраундорфу от 11 октября 1755 г. следует, что приехавший из Крыма калга-султан был вынужден вступить в переговоры с «кубанским народом» по вопросу о новом сераскере. Примечательно, что какая-то часть договорных отношений калги-султана и «кубанского народа» оказалась оформлена *присягой*, а калга-султан «выбрал (выделено нами. — Д. С.) в кубанские сераскеры с общаго кубанского народа согласия бывшего сераскера Сеадет-Гирея Бахтыгиреева сына» [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 105].

В доношении войсковому атаману донского казака П. Грекова, отправленного на Кубань 21 декабря 1755 г. и приехавшего в Копыл, Сеадет-Гирей фигурирует как *сераскер* [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 66–66об.].

Другой источник, независимый от предыдущего, также относит обладание Сеадет-Гиреем интересующим нас статусом к 1755 г. [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 101].

Однако российские источники 1756 г. именуют сераскер-султаном *Крым-Гирея*, сына «нового крымского хана» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 366–369об.; Д. 1958. Л. 2–3], т. е. Халим-Гирея. По всей видимости, противоречие можно объяснить тем, что новый хан, вступивший на престол в конце 1755 г. или в начале 1756 г., назначил на Кубань своего «официального» сераскера.

В 1756 г. или несколько ранее Сеадет-Гирей вступил в еще большую крупную и рискованную игру — заявив о желании перейти в российскую протекцию вместе с солтанаульцами [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 109–110]. Впрочем, свидетельство о возможной откочевке солтанаульцев за Волгу под его руководством встретилось нам в документе более раннего времени. Еще в 1754 г. посланец Войска Донского В. Закалиев получил соответству-

ющую информацию на Кубани от местных жителей [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7]. Безусловно, этот случай надо рассматривать на фоне *аналогичных устремлений* со стороны других ногайских орд. Ногайцы Едисанской орды с середины XVIII в. все активнее стали проявлять интерес к переходу в российское подданство, например, в конце 1750-х гг. [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 551. Ч. 1–5]. Достаточно характерная для описываемого периода ситуация произошла в ходе восстания едисанских и буджакских ногайцев против крымского хана Халим-Гирея и его ближайшего окружения (1758 г.) [Пейссонель 2013: 73–89]. Еще за несколько лет до восстания едисанцы отправили в Санкт-Петербург посольство с указанной целью [Грибовский 2008: 118–119]. А во время восстания они сделали то же самое, причем буджакские ногайцы их поддерживали. Российское правительство, в свою очередь, просчитывая риски принятия неверного решения и в чем-то разделяя опасения Крыма и Порты, отказало ногайцам в подданстве. Более того, оно приказало приграничным форпостам их «не токмо в здешнюю сторону не пропускать, но и силою от границ здешних отбивать» [Грибовский 2008: 120].

В случае же с предложением Сеадет-Гирея дело обстояло иным образом. Во-первых, переход солтанаульцев полагался возможным на том основании, что они якобы ранее были российскими подданными. Во-вторых, касательно фигуры самого Сеадет-Гирея, — в случае перехода в христианскую веру его готовы были принять на Дону, в Кизляре или в Астрахани [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 110]. Настойчивость Сеадет-Гирея обращает на себя внимание: похожая история имела место в ноябре-декабре уже 1757 г., причем позиция КИД о солтанаульцах не претерпела существенного изменения: «А они между тем до того времени могут спокойно побыть в прежних их местах» [Российско-сеveroкавказские отношения 2011: 112].

Восстание ногайцев 1758 г. и положение Кубанской орды в первое правление хана Крым-Гирея

В 1757–1758 г. ситуация в Крымском ханстве, в том числе на Кубани, обострилась еще больше. Авторитет и влияние

хана Халим-Гирея в ногайских ордах стремительно падали [Пейссонель 2013: 82–86; Пономарьев 2015: 159–161]. Султаны Сеадет-Гирей и Бахадур-Гирей умело воспользовались недовольством черкесов, потребовав от хана свержения султана Крым-Гирея, угрожая в обратном случае «не останавливаться ни перед чем» [Пейссонель 2013: 77].

В марте 1758 г. на Кубань прибыл калга-султан Девлет-Гирей, намеревавшийся «выпросить у хана смещение Крым-Герая и назначение на его место Сеадет-Герая черкесского» [Пейссонель 2013: 78]. Мы вновь наблюдаем переговорный процесс между калгой-султаном и кубанцами, даже согласившимися на выдачу ему аманатов. Заметим, что фигура Сеадет-Гирея по-прежнему интересовала российские власти. В 1758 г. были получены сведения о том, что должности сераскера он был лишен *именно* Халим-Гиреем, «и что он самовольно в окрестностях Кубани оставался не иначе, но противником хана крымского, следовательно, и Порты Отоманской...» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 19]. Далее отмечалось, что именно благодаря поддержке кубанцев, недовольных сераскером Крым-Гиреем, Сеадет-Гирей вновь сумел возвыситься, сделавшись «некоторым образом тамошних хану крымскому противных народов предводителем» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 19].

Хронология последующих событий такова, что ханский сын и сераскер-султан Крым-Гирей все-таки был изгнан ногайцами с Кубани в том же 1758 году. Впрочем, хан Халим-Гирей отказался от слова, данного им калге-султану — «назначить сераскиром Кубана Сеадет-Герая черкесского» [Пейссонель 2013: 79, 81]. Сеадет-Гирей не собирался сдавать свои позиции: вместе с султаном Бахадур-Гиреем он сумел закрыть на Кубани и в Черкесии все пути. Они «запретили торговлю, грабили караваны и похищали лошадей, скот и рабов почти под пушечными выстрелами крепостей великого повелителя» [Пейссонель 2013: 80]. Мы располагаем данными о том, что уже в конце августа 1758 г. Крым-Гирей был лишен своей официальной власти на Кубани. Правда, в начале осени того же года он планировал «итит войною на Кубань» против Сеадет-Гирея и Бахадур-Гирея [Канцелярія Новосербьского корпусу 2005: 306]. При этом оба султана и кубанские мурзы действо-

вали вполне согласованно, планируя свои дальнейшие действия против Халим-Гирея. При этом мурзы желали, чтобы «сероскером бы у них учинен был тот ково он сами пожелают из них ж солтанов» [Канцелярія Новосербьского корпусу 2005: 306], т. е. либо Сеадет-Гирей, либо Бахадур-Гирей.

Ногайцы Едисанской и Буджакской орд восстали в 1758 г. против хана Халим-Гирея и его сыновей, поддержав в борьбе за крымский престол Крым-Гирея (сына хана Девлет-Гирея II), бывшего в свое время буджакским сераскером. В конце октября 1758 г., будучи поддержан ногайцами нескольких орд, Крым-Гирей был провозглашен Портой новым крымским ханом. Отметим, что кубанские ногайцы во многом координировали свои действия с ногайцами Едисана и Буджака. Их недовольство, конечно, имело общие корни — «протест против усиления государственной регламентации Крымского ханства и стабилизации границ, лишавших кочевников возможности совершать набеги на соседей» [Грибовский 2009: 84]. Вместе с тем неверно отделять важнейшие амбиции и мотивации бывшего сераскера Сеадет-Гирея *от настроений и устремлений кубанских ногайцев*, как считает В. В. Грибовский. Он пишет, что Сеадет-Гирей и Бахадур-Гирей стремились «занять должность кубанского сераскера, хотя сами кубанские ногайцы заявили о желании самостоятельно избирать сераскеров и выступили против их назначения крымским ханом» [Грибовский 2009: 83]. Напротив, мы доказали, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея носила массовый характер, и что именно они повлияли на его назначение сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. В последующие годы, в том числе в 1758 г., они также неоднократно поддерживали *своего* султана Сеадет-Гирея в борьбе за сераскерство в Кубанской орде. Потомки султана Бахты-Гирея, тем самым, действительно сумели сформировать *свою систему неформальной власти* на Кубани, успешно прошедшую проверку временем. Более того, султан Сеадет-Гирей добился большего влияния в местном черкесском мире, чем его знаменитый отец.

После прихода к власти осенью 1758 г. новый хан Крым-Гирей не забывал о Кубани. Он несколько раз инициировал слухи о скором начале войны между Османской

и Российской империями, давая ногайцам повод надеяться на возобновление набегов, что обеспечивало ему на первых порах популярность в ханстве [Грибовский 2009: 87].

Порта, что вполне ожидаемо, достаточно прохладно отнеслась к новому хану, поскольку была вынуждена уступить нажиму со стороны ногайцев. Российский резидент в Стамбуле А. М. Обресков сообщал 12 декабря 1758 г. о том, что Крым-Гирей Порте «делается весьма несносным» и что она желает видеть его переехавшим в Крым, от чего всячески уклоняется [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31]. Опасения хана в том и состояли, чтобы Порта, воспользовавшись его приездом в Крым, «тем... его не свергла» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31об.]. Между тем в 1759 г. Крым-Гирей намеревался переехать из Каушан не в Крым, а на Кубань, «и для того охотнее быть на Кубане, нежели в Крыму» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. А все потому, как точно отмечено в императорском указе от 24 июля 1759 г., адресованном атаману С. Д. Ефремову, что хан Крым-Гирей «вымог себе сие достоинство от Порты Отоманской, по преданству к нему бунтовавшего пред сим против оной Эдисанского народа. Следовательно, Порта принуждена его токмо до тех пор сносить, пока случая не получит без дальняго затруднительства его сменить» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. В Коллегии иностранных дел отмечали нестандартность ситуации, поскольку давно не было такого случая, «дабы ханы крымские на Кубань ездили» и опасались последствий прибытия хана на Кубань [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22об., 26–26об.]. Наконец, с аналитической точки зрения важны слова о том, что в случае переезда на Кубань Крым-Гирей «может найти себе прибежище у тамошних в горах живущих народов, по примеру многих крымских солтанов, родственников ханов крымских, а также от Порты отверженных и противниками объявленных» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. Однако, насколько известно, планировавшаяся поездка хана Крым-Гирея на Кубань осталась не реализованной.

Между тем беглый калга-султан — Хаджи-Гирей, скрывавшийся за пределами ханства от хана Крым-Гирея, выразил в 1759 г. желание сменить подданство и переселить-

ся в Россию [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35], поддержав соответствующее обращение едисанских и буджакских мурз. При этом сам Крым-Гирей опасался Хаджи-Гирея и его поддержки ногайцами. Нами обнаружен уникальный архивный источник — перевод с «турецкого письма», поданного буджакскими и едисанскими мурзами султану Хаджи-Гирею [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–41об.]. 49 ногайских мурз (!) излагали свою позицию в конфликте с ханом Крым-Гиреем, выражали опасение за свою жизнь и просили бывшего калгу «придумать, в Кубани ли нам быть, или у давнишних соседей» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–40об.]. Необходимо заметить, что Хаджи-Гирея иногда ошибочно именуют *калгой-султаном Халим-Гирея* [Грибовский 2009: 87]. Однако он был назначен калгой именно ханом Крым-Гиреем после прихода к власти [Пейссонель 2013: 82; Халим Гирай Султан 2004: 127].

Новым кубанским сераскером хан Крым-Гирей назначил родного брата Хаджи-Гирея — Сеадет-Гирея [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35об.]. Правящему хану, Крым-Гирею, султаны Хаджи-Гирей и Сеадет-Гирей приходились племянниками по их отцу — Махмуд-Гирею, сыну крымского хана Девлет-Гирея II. Причем во время восстания 1758 г. султан Хаджи-Гирей пользовался поддержкой Крым-Гирея и активно ему помогал. Через какое-то время Хаджи-Гирей был лишен Крым-Гиреем сана — новым калгой-султаном стал Селим-Гирей, сын предыдущего хана — Арслан-Гирея, родного брата Крым-Гирея. А после смерти Селим-Гирея, подчеркнем, калгой-султаном в Крымском ханстве стал... *султан Сеадет-Гирей* [Халим Гирай султан 2003: 127] — многократно упоминаемый нами сын султана Бахты-Гирея. Халим-Гирей писал, что вскоре после назначения он умер, но это не так. Еще в конце декабря 1761 г. калга-султан Сеадет-Гирей был жив, приехав из Крыма на родную ему Кубань, где сераскером тогда был его родной брат — Гази-Гирей [Канцелярія Новосербського корпусу 2005: 324]. Более того, сохранился документ о его калгайстве за первую половину 1762 г. [Канцелярія Новосербського корпусу 2005: 353–354].

Главное, Впрочем, в другом: во-первых, при помощи документальных источников

удалось верифицировать свидетельство Халим-Гирея о калгайстве Сеадет-Гирея. Во-вторых, имя этого калги-султана практически «выпало» из историографии и из соответствующих сводок и перечней имен Гиреев, в том числе из представленных в авторитетном сборнике [Le Khanat de Crimée 1978: 368]. Столь незаслуженно забытый исторический факт (о котором не упомянул даже В. Д. Смирнов!) исключительно важен не только при анализе биографии этого султана (ставшего вторым лицом в ханстве!), но и в ходе уяснения самых разных сценариев борьбы за власть в Крымском ханстве середины XVIII в. И, конечно, сказанное имеет значение для исследования *коллективной биографии* семьи кубанского султана Бахты-Гирея, в изучении которой появились новые направления и новые перспективы.

Изучив ситуацию, связанную с просьбой Хаджи-Гирея, КИД отклонила просьбу Хаджи-Гирея, поручив одному из своих членов В. М. Бакунину внушить ему, «что они не токмо со всем ногайским народом, но и одни при нынешних обстоятельствах в подданство... и на время в здешние границы приняты быть не могут» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35об.]. При этом для Хаджи-Гирея предусматривалась возможность «пробраться» со своими сторонниками через земли донских казаков «ниже Черкасса» на Кубань, где сераскером пребывал его брат Сеадет-Гирей (не путать с другим Сеадет-Гиреем, сыном султана Бахты-Гирея!) [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35об.].

Верхушке Войска Донского — генерал-майору Д. Е. Ефремову и войсковому атаману С. Д. Ефремову из КИД были направлены соответствующие указы, суть которых сводилась к тому, что ногайцам не следует препятствовать в переходе на Кубань [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39]. Донцам цинично предписывалось «смотреть на такое их переходение сквозь перстов», лишь бы перебежчики «вместо Кубани в калмыцкия улусы не ходили» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39].

Планы бывшего калги-султана, Хаджи-Гирея, одинаково встревожили и Санкт-Петербург, и Бахчисарай. Так, Крым-Гирей, узнав о подобных планах своего бывшего калги, учредил «крепкия караулы», после чего Хаджи-Гирею и его сторонникам «чрез Крым и ехать уже

невозможно» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39]. Именным же императорским указом (1759 г.?) Хаджи-Гирею сообщалось, что его прошение удовлетворят только тогда, когда с турецкой стороны «воспоследует» война с Россией [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 42об.].

Что касается кубанского сераскерства, то через какое-то время после прихода к власти хан Крым-Гирей «вспомнил» о своих племянниках — сыновьях Бахты-Гирея (судя по всему, их отношения были весьма хорошими; вероятно, случайное совпадение — но одного из своих сыновей Крым-Гирей назвал *Бахты-Гиреем*), назначив на указанную должность султана Гази-Гирея. Не исключено, что поводом для этого послужила поддержка предыдущим сераскером, Сеадет-Гиреем, неугодного хану Крым-Гирею бывшего мятежного калги — Хаджи-Гирея. Повторимся, что другой из братьев, Сеадет-Гирей, стал калгой-султаном при хане Крым-Гирее: таким образом, именно при нем оба брата не только вернули себе официальную власть, но и приумножили ее. Имеются основания полагать, что Сеадет-Гирей продолжительное время (в пределах 1758–1764 гг.) сохранял доверие хана Крым-Гирея. Ужесточая политику в отношении ногайцев [Грибовский 2009: 88], именно своему калге он поручил в 1762 г. вывести ногайцев с Кубани [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 353]. Согласно сведениям, поданным атаманом С. Д. Ефремовым в Главную канцелярию Новосербского корпуса, эта задача была успешно решена Сеадет-Гиреем до 10 мая 1762 г. [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 353–354]. Ногайцев вывели «на крымскую сторону», часть их, сообщал информатор, «будут... кочевьем находитца по Конским и Молочным Водам даже до Берд» [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 354]. Пытавшийся препятствовать таким действиям бывший союзник Сеадет-Гирея — Бахадыр-Гирей был разгромлен «кубанцами» под руководством сына калги Сеадет-Гирея.

Выводы

В статье установлены и проанализированы новые многочисленные исторические факты, подтверждающие заметную роль ногайской Кубани во внутривосточной обстановке на территории Крымского хан-

ства середины XVIII в. Кубань продолжала оставаться регионом, где пытались, и безуспешно, находить убежище подданные разных государств, в том числе России, конфликтовавшие с властями и завязывавшие все новые связи с кубанскими элитами и с рядовым населением. Заметную роль в политическом пространстве кубанского региона продолжала играть после 1729 г. семья (сыновья) кубанского султана Бахты-Гирея Дели-султана. Как минимум, *трое* его сыновей являлись обладателями должности сераскер-султана в 1730-е – начале 1750-х гг.; некоторые из них не отказались от борьбы за власть и позже. Было доказано, что кубанские ногайцы приняли заметное участие во внутривосточной жизни Крымского ханства, активно сопротивляясь многим жестким административным решениям правящих Гиреев — усилению контроля над набеговой системой, над миграциями по территории ханства и пр. Недовольство кубанских ногайцев начала 1750-х гг. активно подогревалось бывшими кубанскими сераскерами — братьями Гази-Гиреем и Сеадет-Гиреем, сыновьями султана Бахты-Гирея.

Установлено, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея в сере-

дине 1750-х гг. носила массовый характер, и что именно ногайцы повлияли на его назначение кубанским сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. Впервые в историографии установлено, что в 1758 г. повторилась аналогичная ситуация — когда между кубанцами и Бахчисараем был достигнут новый компромисс (оставшийся нереализованным) о восстановлении кубанским сераскером Сеадет-Гирея. Впервые в историографии доказано, что впоследствии он был назначен калгой-султаном при хане Крым-Гирее. Выявлена непосредственная связь между «бунтом» сыновей Бахты-Гирея против крымского хана и последующей активностью кубанских ногайцев в восстании 1758 г. Установлены новые данные о связях кубанских ногайцев, изгнавших с Кубани сераскера Крым-Гирея, с лидерами этого восстания и с другими ногайскими ордами. Приведены факты, доказывающие, что после прихода к власти хана Крым-Гирея кубанский регион сохранял свою привлекательность для разных участников недавнего многостороннего противостояния — начиная от хана Крым-Гирея (даже планировавшего перебраться на Кубань) и заканчивая буджакскими и едисанскими ногайцами.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 ГАОО — Государственный архив Астраханской области.
 ГАРО — Государственный архив Ростовской области.
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

- Алиева 2009 — Алиева С. И. Ногайские тюрки (XV–XX вв.). Баку: Şərq-Qərbi, 2009. 326 с.
 Грибовский 2008 — Грибовский В. В. Ногайські орди в політичній системі Кримського ханства // Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя: ЗНУ, 2008. С. 113–129.
 Грибовский 2009 — Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.)

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
 Russian State Archive of Ancient Acts.
 Russian State Archive of Military History.
 State Archive of Astrakhan Oblast.
 State Archive of Rostov Oblast.

- // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2009. С. 67–97.
 Грибовский, Сень 2013 — Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и

- этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2013. С. 92–137.
- История Крыма 2019 — История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. 600 с.
- Канцелярія Новосербського корпусу 2005 — Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники: В. Мільчев, О. Посулько / Передмови: С. Гаврилович, С. Лалич, В. Мільчев, О. Посулько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя: ЗНУ, 2005. 442 с.
- Мальгин 2013 — *Мальгин А. В.* Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (март). С. 45–68.
- Очиров 2008 — *Очиров У. Б.* Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института [комплексных исследований аридных территорий]. 2008. № 2. С. 98–102.
- Пейссонель 2013 — *Пейссонель Ш.-К., де.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой / вступ. ст., прим. и ком. В. В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев: [б. и], 2013. 110 с.
- Пономарьов 2015 — *Пономарьов О. М.* Ногайський заколот 1758 року та сходження Крим-Гірея на ханський престол (за документами Архіву Коша Нової Запорозької Січі) // Архіви України. 2015. № 2. С. 157–168.
- Российско-северокавказские отношения 2011 — Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сб. док. / сост., авт. предисл., коммент. и именного указ. И. И. Якубова. Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2011. 195 с.
- Сень 2016 — *Сень Д. В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 2 (68). № 4. 2016. С. 105–117.
- Сень 2020 — *Сень Д. В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: мат-лы XXXIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 2020 г.) / отв. ред. И. Г. Коновалова, Е. В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 355–358.
- Торопицын 2010 — *Торопицын И. В.* Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 52–56.
- Фелицын 1904 — *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1904. Т. 1. 306 с.
- Халим Гирай Султан 2004 — *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма / транскр., перев. перелож. А. Ильми. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Le Khanat de Crimée 1978 — *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desaiye, Chantal Lemerrier-Quelquejay.* Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales and Mouton Éditeur, 1978. 458 p.

References

- Alieva S. I. Nogai Turks: 15th to 20th Centuries. Baku: Şərq-Qərb, 2009. 326 p. (In Russ.)
- Bennigsen A. et al. (comps.) Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris: School of Advanced Studies in Social Sciences, Mouton Éditeur, 1978. 458 p. (In Fr.)
- Felitsyn E. D. Kuban Cossack Host and Kuban Oblast: Collected Archival (Historical) Documents. Yekaterinodar: Kuban Oblast Statistical Committee, 1904. Vol. 1. 306 p. (In Russ.)
- Gribovsky V. V. Crimean Khanate, 1740–1760s: administering Nogais of the Northern Black Sea. In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) Collected Turkological Papers, 2007–2008: Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries — History and Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 67–97. (In Russ.)
- Gribovsky V. V. Nogai hordes in the Crimean Khanate's political system. In: Southern Ukraine. 18th–19th Centuries. Zaporizhia: Zaporizhzhya National University, 2008. Pp. 113–129. (In Ukr.)
- Gribovsky V. V., Sen' D. V. Kuban Sultan

- Bahti Giray: phenomenon of illegitimate political power in the Crimean Khanate, 1700s–1730s. In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) *Collected Turkological Papers, 2011–2012: Turkic Peoples and States — Political and Ethnocultural History*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2013. Pp. 92–137. (In Russ.)
- Halim Giray Sultan. *The Rosebush of Khans: Or a History of the Crimea*. A. Il'mi (transcr., transl.). Simferopol: Dolya, 2004. 288 p. (In Russ.)
- Malgin A. V. Joining the Crimea to Russia in light of imperial expansion. *Istoriya i sovremennost'*. 2013. No. 1 (March). Pp. 45–68. (In Russ.)
- Milchev V., Posunko O. (comps.) *Chancellery of Novoserbia Corps*. S. Gavrilovich, S. Lalich, V. Milchev, O. Posunko (foreword). Ser.: *Sources on the History of Southern Ukraine*. Vol. 7. Zaporizhia: Zaporizhzhya National University, 2005. 442 p. (In Ukr.)
- Ochirov U. B. Turkic ethnic groups in the Kalmyk Khanate: 17th–18th centuries. *Vestnik Instituta [kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy]*. 2008. No. 2. Pp. 98–102. (In Russ.)
- Peissonel Ch.-C., de. *Essay on Tataria Minor*. V. Lotoshnikova (transl.), V. Gribovsky (foreword, comments). 2nd ed., rev. and suppl. Kiev, 2013. 110 p. (In Russ.)
- Ponomaryov O. M. Nogai rebellion of 1758 and enthronement of Qirim Giray: a case study of Kosch Archives from the New Zaporozhian Sich. *Arkhivi Ukraïni*. 2015. No. 2. Pp. 157–168. (In Ukr.)
- Sen' D. V. Bahti Giray, Sultan of Kuban: historical environment of individual biography and its reconstruction. In: Konovalova I. G., Pchelov E. V. (eds.) *Supporting Historical Disciplines in Contemporary Academic Discourse*. Conf. proc. (Moscow, 2020). Moscow: Institute of World History (RAS), 2020. Pp. 355–358. (In Russ.)
- Sen' D. V. Biographical data of the Crimean Khanate elites: topical issues of historical sources study (case of Bakhty Giray Sultan). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2016. Vol. 2 (68). No. 4. Pp. 105–117. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Russo-Kalmyk relations in the mid-18th century: resistance of Privy Councillor and Governor V. Tatishchev to Queen Dzhana's Persian plans. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 1. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. *Kalmyk Khanate within Russia's Borders: Problems of Political Interaction*. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Yakubova I. I. (comp.) *Russia–North Caucasus Relations: 18th Century*. Coll. Documents. I. Yakubova (foreword, comments, etc.). Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute, 2011. 195 p. (In Russ.)
- Yurasov A. V. (ed.) *History of the Crimea*. In 2 vols. Moscow: Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 1. 600 p. (In Russ.)

